

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3(2)
УДК 82-94

Н. В. Ярина¹
ORCID: 0009-0008-4885-8993
МОУ СОШ № 38 им. В. И. Машковцева
455045, Россия, г. Магнитогорск, ул. Ворошилова, 11/1
alter_egonv@mail.ru

«ЛИНИЯ СУДЬБЫ» ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ В «СЮЖЕТАХ» ЕЕ «ДНЕВНИКА» (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

В статье дается аналитический обзор тех «сюжетов», которые составляют содержание первой части («Дневник одной из многих») известного русского женского дневника, принадлежащего Е. А. Дьяконовой (1874–1902). Анализ сюжетов оставшихся двух частей «Дневника» предполагается сделать в другой статье.

Дневниковый сюжет, в сравнении с фикциональным сюжетом произведения художественной литературы, обладает тремя специфическими особенностями. Он не вымыслен, не завершен, дискретен.

«Линия судьбы» Дьяконовой в «Дневнике одной из многих» (1886–1895) определяется, во-первых, естественно-биологически (переход из девического возраста к совершеннолетию); во-вторых, ментально-идеологически (главное и осознанное желание даиэристки в возрасте от 14 лет до 21 года – покинуть родной дом ради дальнейшей учебы и самостоятельной, независимой от матери жизни). В 14 лет в жизнь Дьяконовой входят три феномена, которые станут сквозными сюжетами ее «Дневника»: любовь – смерть – мечта о свободе (в правовом и материальном смыслах прежде всего).

Кроме этих сюжетов, в первой части «Дневника» намечаются и другие. На конец 1891 г. приходится завязка «материнско-дочернего сюжета» (отчуждение Лизы от матери); «развяжется» он лишь за год до гибели Дьяконовой. В начале этого же, 1891 г. (Лизе 16 лет) она открывает для себя свое тело; телесность в разных ее проявлениях

---

¹ Ярина Наталия Викторовна, преподаватель-исследователь, магистр, директор, МОУ «СОШ № 38 им. В. И. Машковцева», г. Магнитогорск, Россия.

и ощущение ее даиэристок составят важный (а для третьей части «Дневника» центральный) сюжет. Всё в том же 1891 г. после чтения Дьяконовой «Крейцеровой сонаты» начинается сюжет ее заочных отношений с Л. Н. Толстым. Около 1892 г. возникает характерно дневниковый сюжет самопознания и сопутствующий ему сюжет разочарования в Боге и вере (Дьяконова принадлежала к старинной купеческой семье, где были сильны традиции православия). Тогда же, в 1892 г., Дьяконова делает выбор в пользу учебы и свободы, отказываясь от обычного (традиционного) женского счастья – любви и семьи.

Ключевые слова: Е. А. Дьяконова, сюжетология, дневниковедение, гендерология, дневниковый сюжет, сюжет взросления, сюжет освобождения, ранний русский феминизм

Введение

«Дневник» Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902) – выдающийся памятник русской литературной культуры рубежа XIX–XX вв. – содержит разнообразнейший материал о жизни незаурядной русской девушки из купеческого сословия. Для литературоведов дьяконовский дневник представляет первостепенный интерес, причем с самых разных точек зрения. В данной статье мы рассмотрим «сюжет» первой части «Дневника». Теоретико-методологической основой работы явились исследования по сюжетологии, дневниковедению и гендерологии.

«Дневник» был опубликован четырежды в 1900–1910-е годы. Его публикатором выступил Александр Александрович Дьяконов – родной брат Е. А. Дьяконовой; после ее трагической гибели к нему перешёл весь архив сестры. Предположительно, Е. А. Дьяконова сама разделила свои дневниковые записи на части, и сама дала им название (остается, однако, гипотетическая возможность того, что частично или полностью это сделал А. А. Дьяконов). В последнем, наиболее полном издании (1912 г.) «Дневник» разделен на три части:

- 1) «Дневник одной из многих» (1886–1895).
- 2) «Дневник на Высших Женских курсах» (1895–1899).
- 3) «Дневник русской женщины» (1900–1902).

Охват времени от части к части заметно сокращается (10 лет – 4 года – 1 год), а сам дневник становится, особенно с 1891 г., содержательно плотнее и драматичнее, «сюжетнее» и «литературнее» (особенно третья часть). Заголовками/названиями даиэристка задаёт главные, с ее точки зрения, темы и сюжетные векторы своего повествования. В каждой из частей «линия судьбы» Е. А. Дьяконовой

складывается из многих сюжетов и мотивов, как сквозных для всего «Дневника», так и индивидуально-своеобразных.

Сюжет в произведении дневникового жанра

Все современные исследователи признают дневник жанром, совмещающим в себе художественное (фикциональное) и документально-публицистическое (нефикциональное). А. А. Зализняк и И. Л. Савкина считают дневник даже «в чем-то более фиктивным текстом, чем текст художественный, fiction-литература» [7; 11, 167]. В свое время Л. Я. Гинзбург находила в документальной литературе «эстетическую организованность», отмечая, что «для эстетической значимости не обязателен вымысел и обязательна организация – отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преображенных словом» [3, 8]. Исследовательница имела в виду возникновение в мемуарах и дневниках художественной образности. Если «художник» (беллетрист) изначально создает «знаки» (образы), «воплощающие мысль», то мемуарист «не может творить события и предметы», т. к. они ему даны, но он может превратить их в знаки исторических, философских, психологических и прочих «обобщений». В «факте», в «единичном и конкретном» возникает обобщающее, символическое значение, «пробуждается эстетическая жизнь; он становится формой, образом, представителем идеи» [3, 8–9].

Развивая мысль Л. Я. Гинзбург о том, что «построение художественной символики» в дневниках специфично, укажем как на один из способов такого построения на создание даиэристами «сюжетов».

Основой понятия «сюжет в дневнике» является скорректированное сквозь призму жанра дневника понятие «сюжет в художественном произведении», т. е. свойственный эпосу способ сообщения о событиях и сами события; «комплексный художественный образ – образ события или цепи событий» [9, 1048–1049]. Очевидны, конечно, и отличия «дневникового сюжета» от собственно художественного, «беллетристического». Отличия эти проистекают из жанровой природы дневника и конкретного эпического жанра, а специфические черты дневникового сюжета несложно дедуцировать из сущностных черт жанра дневника.

Понятие «сюжет» для дневниковедения привычно. Так, И. Л. Савкина отмечает, что «дневник обычно время от времени перечитывается автором, и все записанное ранее переосмысливается им

в какой-то результативный сюжет, который развивается в дальнейших записях» [12, 147]. А. А. Зализняк говорит об особой «семиотической природе» дневникового сюжета. Исследовательница считает, что в дневнике, в отличие от художественного произведения, отсутствует «единый авторский замысел», т. е., по сути, сюжет. «Аналогом отсутствующего в дневнике авторского замысла» она предлагает считать «ощущение» даиэристом «ценности» своей личности. Этот «стержень» и скрепляет (содержательно, стилистически, эмоционально) «разнородные записи» в дневнике [7]. О. Г. Егоров для анализа дневникового сюжета предлагает использовать такие, в частности, терминологические выражения: «сюжетоподобная организация» и «линия судьбы автора» [5, 226]. Заметим, что анализ О. Г. Егоровым дневников первой половины XIX в. убедительно опровергает приведенный выше тезис А. А. Зализняка, демонстрируя, что некоторые дневники строятся по литературным схемам, например жанров «романа воспитания» и «любовного романа», и что «замысел» «в той или иной степени» у даиэриста всегда имеется [5, 228–233].

Главными особенностями дневникового сюжета как такового можно считать следующие:

– *невывышенность*: он «не мыслится заранее, а создается в процессе написания произведения» [5, 227].

– *незавершенность*: даиэрист, зависимый от внешних событий окружающей жизни, начатый им «сюжет» может просто не завершить в силу того, что сама жизнь не дает ему материала для продолжения;

– *дискретность*: начатый в одной подневной записи рассказ о неких событиях, встречах и пр. даиэрист может возобновить в другой записи через длительный промежуток времени и формально никак не связывать его с предыдущими упоминаниями об этом «предмете» или «теме».

Опираясь на приведенные выше теоретические положения, рассмотрим подробнее сюжеты/сюжеты первой части «Дневника» Е. А. Дьяконовой. Анализ сюжетов второй и третьей частей оставляем для другой статьи.

«Дневник одной из многих» (31 мая 1886 – 15 августа 1895): история о девичьем взрослении, мечтах и освобождении

На первый взгляд, названием этой части дневника – «Дневник одной из многих» – Е. А. Дьяконова хотела подчеркнуть свою малость, типичность и незаметность – отсутствие у нее индивидуальности, и до какого-то момента это действительно отвечало ее

самоощущению. Однако запись от 16 мая 1892 г., где впервые встречается это обозначение «журнала», вскрывает его полемический характер. «Одна из многих» в понимании даиэристки – это некое обобщающее «мы», а «мы» в указанной записи – это «девушки, окончившие и неокончившие курса гимназии, желающие продолжать свое образование далее, но не находящие в семье ни сочувствия, ни поощрения, а наоборот, сильное сопротивление...»¹ (с. 74). Неназванный «адресат» дальнейших феминистских размышлений Дьяконовой – традиционные, «мужские» взгляды на женское образование, т. е., в сущности, патриархатная российская культура конца XIX века.

Однако до 1892 г. еще 6 лет, и за эти годы девочка-подросток, только-только вышедшая из детства в начале ведения дневника (1886 г.), превратилась в девушку, не по годам развитую и начитанную. Не следует забывать, однако, что дневник Дьяконова стала вести в возрасте 11 лет. В соответствии с этим возрастом она поначалу и пишет дневник, в частности, делает записи нерегулярно и редко (в 1886–1887 гг. и даже в 1891–1892-м – один раз в несколько месяцев); отбирает материал, следуя своим детско-отроческим интересам (в основном это учеба: перевод из класса в класс, оценки в гимназии, а также отдельные яркие события – праздники, день рождения, поход на концерт, прогулка с гувернанткой на бульваре, урок танцев и т. д.). Функции этого детско-девичьего дневника (какими их описывает исследователь русской девичьей культуры С. Б. Борисов) до определенного момента вполне стандартные. Это типичный личный девичий дневничок – «милый дневник» (с. 2), который призван сохранять в памяти «значимые события индивидуальной жизни» и заменять реальное общение, быть «исповедником» [2, 261–263]. В дневнике Лизы за 1886–1888 гг. еще практически нет того, что в гендерологии считается основными культурными практиками «девичьего детства» – «практик знакомства с собственным и чужим телом» [2, 6]. Всё или почти всё сводится к так называемым «неэротическим коммуникативным девичьим практикам» [2, 63].

Нет в дневнике за эти два года и никаких «сюжетов», ибо 12–14-летняя девочка, хотя и начитанная, и рассуждающая иногда не по годам взросло, этих «сюжетов» в жизни видеть и опознавать ещё просто не умеет, да и сама ее жизнь пока «внесюжетна» и бесконфликтна – состоит из посещения гимназии, из домашних

---

¹ Далее «Дневник» Е. А. Дьяконовой цитируется по изданию [4] с указанием в тексте страницы в круглых скобках.

Н. В. Ярина

занятий и прогулок. «Рождение» первых сюжетов концентрированно приходится на конец 1888 года.

Первый такой сюжет намечается 12 ноября 1888 г., и связан он с предполагаемым, но не состоявшимся замужеством гувернантки – Александры Николаевны. В жизнь даиэристки, таким образом, входит любовь, пока еще чужая. Становление и формирование другого сюжета более растянуто во времени; он – о вхождении в судьбу Дьяконовой смерти, прежде всего ее отца, умершего 12 января 1887 г., но и других людей тоже (см. записи от 04.01.1887, 05.05.1888, 11.10.1888 и др.). Вместе с любовью смерть являются, пожалуй, двумя главными, точнее даже, сквозными темами «Дневника», образующими в ходе своего развертывания ряд отдельных сюжетов и мотивов.

26 декабря 1888 г. в «Дневнике одной из многих» появляется третий сюжет – мечта, которая будет реализована девушкой уже после окончания Бестужевских курсов. После разговора с гувернанткой Дьяконова, во-первых, вдруг узнаёт о своей «самобытности», непохожести на других и, во-вторых, признаётся в том, что хочет «уехать в Америку, сдать там экзамен на капитана, получить в команду какое-нибудь судно и отправиться путешествовать» (с. 26). Вместо Америки Дьяконова в 1895 году уедет в Петербург (и это равносильно Америке в тех обстоятельствах, в которых находилась даиэристка), а потом в Париж и Лондон; экзамен она тоже сдаст, хотя и не на капитана; будет и путешествовать. То есть все эти скорее юношеские, нежели девичьи полуосознанные мечтания трансформируются в жизненные и дневниковые сюжеты.

В конце этой же декабрьской записи, последней в 1888 г., Дьяконова впервые задумывается о своем совершеннолетии и гражданских правах: «Ведь я читала, что римлянка 14-ти лет надевала тогу и делалась полноправной гражданкой; а у нас когда это право получается? – В 21 год, или когда замуж выйдешь. Странно!..» (с. 27).

Итак, в 14-летнем возрасте даиэристка сталкивается с феноменами любви, смерти, личностной индивидуации, гражданских прав женщины – иными словами, очевидно и резко взрослеет. С этого момента в «Дневнике» и начинают свое движение указанные сюжеты.

1 января 1889 г., во время семейного (новогоднего) праздника Лиза осознает свою (и своих сестер) отчужденность от матери. Эта запись становится прологом к «материнско-дочернему сюжету» (ср. [8]) – семейной драме, завязка которой приходится где-то на конец 1891 г. (ср. запись от 30.10.1891), периодические обострения – на 1894–1895 гг. (когда приближается совершеннолетие Дьяконовой),

временное затишье – на период обучения на Бестужевских курсах, а драматичная развязка – на март 1901 года (когда Лиза ненадолго возвращается из Парижа в Ярославль по делам бабушкиного наследства).

1891 год является важнейшей вехой в «линии судьбы» даиэристки и, соответственно, в появлении и развитии новых сюжетов в ее дневнике. Дьяконовой 16 лет. Именно в этом, знаковом для девушки возрасте она делает ряд значительнейших личностных открытий (завязываются соответственно новые сюжеты «Дневника») и прежде всего открывает для себя свое тело.

Утром 1 февраля 1891 г. Дьяконова глядится в зеркало и обнаруживает, что на нее смотрит «урод» (с. 66). С этого момента начинается собственно «женский» дневник: «телесность» (см., например [6; 12]) во всех ее проявлениях и ощущение ее даиэристкой трансформируются в делящийся до конца ее жизни сюжет. П. Басинский, автор беллетризованной биографии Е. А. Дьяконовой, указывает на эту запись как на переломную в «Дневнике» [1, 43].

19 апреля 1891 г. в руки Е. А. Дьяконовой попадает «Крейцера соната» Л. Н. Толстого, на тот момент скандально известное и запрещенное цензурой произведение. Кроме того, что оно с его символическими смыслами входит в сюжет о «телесности», о пробуждении в даиэристке сексуальности, с чтения и дальнейшего осмысления «Крейцеровой сонаты» начинается новый сюжет – отношений Е. А. Дьяконовой, читательницы и феминистки, со Львом Толстым и позднейшей полемики с ним по поводу брака и «женского вопроса» (см. [10]).

Экзистенциальное потрясение испытает даиэристка 23 мая 1891 г., когда узнает от «просвещенной» одноклассницы правду о «самом низком чувстве» – любви (с. 69).

Неудивительно, что на следующий год (запись от 10.03.1892 г.) Дьяконова решает вести «новый дневник», теперь уже «только для себя», ничего от себя не скрывая (с. 72) и не доверяя людям (с. 80) (запись от 12.08.1892). Стимулом к началу словесного «самообнажения», духовно-телесной «исповеди» послужило, вероятно, чтение ею «Дневника» Марии Башкирцевой (10.03.1892).

Запись от 13 марта 1892 г., пожалуй, первая, где отчетливо начинается характерно дневниковый сюжет самопознания, поиска ответов на те самые, отнюдь не женские только, вопросы «кто я?», «почему я такая?», «почему меня никто не любит?» и пр. 2 апреля, в Великий четверг, Дьяконова впервые испытает религиозный кризис – очередной и очень значимый сюжет «Дневника», особенно 2-й его

Н. В. Ярина

части. Даиэристка не может «дать ответа на вопрос: что такое Бог?» и упрекает себя «за неверие, – грех, в котором до сих пор никогда не была виновата в детстве, ибо мысли о Боге для меня были самыми лучшими» (с. 73).

Напомним, что 16 мая того же года Е. А. Дьяконова дает своему дневнику название «журнал “одной из многих”» (с. 74) и признаётся в самом заветном своем желании – «учиться». Высказанное словесно, оно превращается в жизненный сюжет, который подробно описан во второй части «Дневника». В записи от 12 августа 1892 г. даиэристка формулирует для себя то противоречие в своей жизни, которое, как окажется, во многом определит ее судьбу: «Я хочу одного и только одного: учиться. <...> Все другие желания и страсти не существуют для меня; природа же нарочно создала меня так, что благодаря моей внешности – все мечтания о счастье, любви не для меня» (с. 79). Иными словами, выбор в пользу учебы (= «неженское», запретное) был сделан едва ли не по одной причине – некрасивой внешности, которая закрыла девушке дорогу к любви и счастью (= «женское», одобряемое обществом). Этот конфликт выльется не только в соответствующий напряженный дневниковый сюжет, но самым прямым образом скажется на судьбе даиэристки.

«Дневник одной из многих» заканчивается записью от 15 августа 1895 года – дня совершеннолетия Е. А. Дьяконовой. Она ничего не чувствует, когда мать поздравляет ее, плачет и нежно целует, и в то же время испытывает «глубокое чувство внутреннего освобождения», ощущает, что стоит «на рубеже прежней и предстоящей новой жизни». Здесь завершается главный сюжет первой части «Дневника», каким он окончательно вырисовывается к моменту достижения даиэристкой 21 года. Это, во-первых, история взросления, перехода из одного возраста (девичество) в другой (молодость/совершеннолетие) и, во-вторых, начало освобождения (пока только от материнского «гнёта» и некоторых традиционных социокультурных представлений, свойственных провинциальному русскому купечеству), эмансипации.

Список источников

1. Басинский П. В. Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой. Москва: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 448 с.
2. Борисов С. Б. Мир русского девичества: 70–90 годы XX века. Москва: Ладомир, 2002. 343 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Москва: INTRADA, 1999. 411 с.

4. Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902 г.; Литературные этюды, стихотворения, статьи, письма / Под ред. и с вступ. ст. А. А. Дьяконова. 4-е изд., знач. доп. Москва: Издание В. М. Саблина, 1912. 837 с.

5. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: исследование. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2011. 280 с.

6. Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. Москва: Идея-Пресс, 2000. 256 с.

7. Зализняк А. Дневник: к определению жанра [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (дата обращения: 20.02.2025).

8. Лебедева У. Б. Взаимоотношения матери и дочери в «Дневнике русской женщины» Е. А. Дьяконовой // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сб. научно-метод. трудов / под общ. ред. О. В. Четвериковой. Вып. 18. Армавир: РИО АГПУ, 2024. С. 31–35.

9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.

10. Петров А. В., Ярина Н. В. Статья Елизаветы Дьяконовой «О женском вопросе» (1902): из истории русского феминизма и толстовства // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 55–69.

11. Савкина И. Дневник советской девушки (1968–1970): приватное и идеологическое // Cahiers du Monde russe. 2009. № 50 (1). P. 153–168.

12. Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.

REFERENCES

1. Basinskij P. V. Posmotrite na menja: Tajnaja istorija Lizy D'jkonovoj [Look at Me: The Secret Story of Lisa Dyakonova]. Moscow: Izd-vo AST: Redakcija Eleny Shubinoj, 2018. 448 p. (In Russ.).

2. Borisov S. B. Mir russkogo devichestva: 70–90 gody XX veka [The world of Russian girlhood: 70-90 years of the XX century]. Moscow: Ladomir, 2002. 343 p. (In Russ.).

3. Ginzburg L. Ja. O psihologicheskoy proze [About psychological prose]. Moscow: INTRADA, 1999. 411 p. (In Russ.).

4. Dnevnik Elizavety D'jkonovoj [The diary of Elizaveta Dyakonova]. 1886–1902 g.; Literaturnye jetjudy, stihotvorenija, stat'i, pis'ma / Pod red. i s vstup. st. A. A. D'jkonova. 4-e izd., znach. dop. Moscow: Izdanie V. M. Sablina, 1912. 837 p. (In Russ.).

5. Egorov O. G. Russkij literaturnyj dnevnik XIX veka:

issledovanie [Russian literary diary of the 19th century: a study]. Moscow: FLINTA, Nauka, 2011. 280 p. (In Russ.).

6. Zhrebkina I. «Prochi moe zhelanie...». Postmodernizm. Psihoanaliz. Feminizm [«Read my wish...». Postmodernism. Psychoanalysis. Feminism]. Moscow: Ideja-Press, 2000. 256 p. (In Russ.).

7. Zaliznjak A. Dnevnik: k opredeleniju zhanra [Diary: towards the definition of a genre] [Elektronnyj resurs] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (accessed 20.02.2025). (In Russ.).

8. Lebedeva U. B. Vzaimootnosheniya materi i docheri v «Dnevnikе russkoj zhenshiny» E. A. D'jakonovoj [The relationship between mother and Daughter in the «Diary of a Russian Woman» by E. A. Dyakonova] // Slovo i tekst: teorija i praktika kommunikacii: sb. nauchno-metod. trudov / pod obshh. red. O. V. Chetverikovoj. Vyp. 18. Armavir: RIO AGPU, 2024. Pp. 31–35. (In Russ.).

9. Literaturnaja enciklopedija terminov i ponjatij [The literary encyclopedia of terms and concepts] / Pod red. A. N. Nikoljukina. Moscow: NPK «Intelvak», 2001. 1600 p. (In Russ.).

10. Petrov A. V., Yarina N. V. Stat'ja Elizavety D'jakonovoj «O zhenskom voprose» (1902): iz istorii russkogo feminizma i tolstovstva [Elizaveta Dyakonova's article «On the women's question» (1902): from the history of russian feminism and tolstoyism] // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). Pp. 55–69. (In Russ.).

11. Savkina I. Dnevnik sovetskoj devushki (1968–1970): privatnoe i ideologicheskoe [Diary of a Soviet girl (1968-1970): private and ideological] // Cahiers du Monde russe. 2009. № 50 (1). Pp. 153–168. (In Russ.).

12. Savkina I. Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka [Conversations with a Mirror and the Looking Glass Land: Women's Auto-documentary Texts in Russian Literature of the first Half of the 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 416 p. (In Russ.).

**ELIZAVETA DYAKONOVA'S «LINE OF FATE»
IN THE «PLOTS» OF HER «THE DIARY» (THE FIRST ARTICLE)**

Natalya V. Yarina

Teacher-researcher, Magister, director, secondary educational school № 38
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article provides an analytical overview of the «plots» that make up the content of the first part («Diary of One of Many») the famous

Russian women's diary, owned by E. A. Dyakonova (1874-1902). The analysis of the plots of the remaining two parts of the «Diary» is supposed to be done in another article.

The diary plot, in comparison with the fiction, has three specific features. It is not fictional, incomplete, discrete.

Dyakonova's «Line of fate» in «The Diary of One of Many» (1886-1895) is determined, firstly, naturally and biologically (the transition from girlhood to adulthood); secondly, mentally and ideologically (the main and conscious desire of a diarist aged 14 to 21 is to leave her native home for the sake of further education and independent life from the mother). At the age of 14, Dyakonova's life includes three phenomena that will become the cross-cutting plots of her «Diary»: love, death, and a dream of freedom (in juridical and material terms, first of all).

In addition to these plots, others are planned in the first part of the «Diary». At the end of 1891, the «mother vs daughter plot» (Lisa's estrangement from her mother) began; it «unraveled» only a year before Dyakonova's death. At the beginning of the same year, 1891 (Lisa is 16 years old) she discovers her body; physicality in its various manifestations will form an important (and for the third part of the «Diary» central) plot. In the same year, 1891, after reading the «Kreutzer Sonata», the plot of her correspondence with Leo Tolstoy begins. Around 1892 there is a characteristic diary plot of self-discovery and the accompanying plot of disappointment in God and faith (Dyakonova belonged to an old merchant family, where the traditions of Orthodoxy were strong). At the same time, in 1892, Dyakonova made a choice in favor of study and freedom, rejecting the usual (traditional) female happiness – love and family.

Keywords: E. A. Dyakonova, narratology, diaristics, genderology, diary plot, plot of growing up, plot of liberation, early Russian feminism

Для цитирования: Ярина Н. В. «Линия судьбы» Елизаветы Дьяконовой в «Сюжетах» ее «Дневника» // Libri Magistri. 2025. № 1 (31). С. 13–23.

Поступила в редакцию 21.02.2025